

Александр Житинский

Арсик

*Часть сборника
Лестница (сборник)*

Александр Житинский

Арсик

«Геликон Плюс»

1978

Житинский А. Н.

Арсик / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», 1978

«У меня все в порядке. Я прочно стою на ногах. Мои дела идут превосходно. Я кандидат физико-математических наук. Мне еще нет тридцати. Это вселяет надежды. Я люблю свою работу. Я не люблю нытиков. Кто-то сказал, что у меня комплекс полноценности. Это так и есть. Не вижу в этом ничего предосудительного...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Житинский

Арсик

1

У меня все в порядке. Я прочно стою на ногах. Мои дела идут превосходно. Я кандидат физико-математических наук. Мне еще нет тридцати. Это вселяет надежды. Я люблю свою работу. Я не люблю нытиков. Кто-то сказал, что у меня комплекс полноценности. Это так и есть. Не вижу в этом ничего предосудительного.

У меня маленькая лаборатория. Она отпочковалась от лаборатории моего шефа профессора Галилеева. Шеф понял, что нам будет тесно под одной крышей. Заодно он постарался избавиться от балласта. Ко мне перешли две лаборантки, Игнатий Семенович и Арсик.

Главный балласт – это Арсик.

По-настоящему его зовут Арсений Николаевич Томашевич. Все в институте, начиная от уборщиц и кончая директором, зовут его Арси́ком и на «ты». Он мило и застенчиво улыбается. Это обстоятельство мешает от него избавиться.

Арсик не бездарен, но бесполезен. К сожалению, мы учились с ним в одной группе и вместе пришли сюда по распределению. Я говорю – к сожалению, потому что теперь мне это не нужно. Меня зовут Геннадий Васильевич. Я предпочитаю, чтобы меня называли Геннадием Васильевичем. Это не мелочь и не чванство. Мне необходимы нормальные условия для работы. Я не могу терпеть, когда отношения в лаборатории напоминают приятельскую вечеринку.

Арсик зовет меня Гешей.

Игнатий Семенович, который вдвое старше меня, обращается ко мне по имени и отчеству. О лаборантках я не говорю. Но Арсик этого не понимает.

Когда вышел приказ о моем назначении, я собрал свою лабораторию и рассказал, чем мы будем заниматься.

– Вам, Арсений Николаевич, – подчеркнуто сухо сказал я, – придется сменить тему. Она не вписывается в мои планы.

Арсик посмотрел на меня наивно, как дитя. Он долго соображал, что к чему, а потом лениво спросил:

– Геша, а правда, что глаза – зеркало души? Вот я все время думаю – какое зеркало? Вогнутое, выпуклое или, может быть, плоское?

Игнатий Семенович вздрогнул. Он не был близко знаком с Арси́ком, потому что до образования моей лаборатории работал в другой комнате. Лаборантки Шурочка и Катя уткнулись в стол, и уши у них покраснели. Они сдерживали смех. Они полагали, что в словах Арсика есть скрытый смысл или подтекст.

Они тоже плохо его знали. В речах Арсика никогда не было подтекста. Если он спрашивал о зеркалах, значит, именно они его в настоящий момент интересовали.

Я не мог сразу поставить его на место. Я знал, что он просто не поймет, чего от него хотят.

– Полупроницаемое, – сказал я, стараясь улыбаться. Я имел в виду зеркало души.

– Угу, – сказал Арсик, выпятив нижнюю губу. – Это само собой.

– А тему ты все-таки сменишь, – сказал я.

Он пожал плечами. Кроме зеркал, его сейчас ничего не интересовало.

Мы все занимаемся физической оптикой. Это древний раздел физики. Сейчас он бурно развивается, благодаря лазерам, световодам и прочим вещам.

Меня интересует волоконная оптика. Вернее, ее стык с цифровой техникой. Мне видятся оптические цифровые машины с огромным быстродействием и каналы связи с гигантским объемом пропускаемой информации. Это стратегическое направление моих исследований.

Я убежден, что жизненная стратегия необходима каждому. Она позволяет отличить главное от второстепенного. Выбрать правильную жизненную стратегию удастся не всем. Я считаю, что мне это удалось. Теперь мне предстояло включить подчиненных в эту жизненную стратегию. Я чувствовал, что с Арсиком придется помучиться.

У него никогда не было четких планов относительно себя. Он занимался физикой на задворках, рыл боковые туннели, украшал науку ненужными побрякушками. Последняя его тема звучала так: «Исследование влияния цветовых спектров на всхожесть и произрастание растений». Шеф сказал, что она имеет прикладное значение для сельского хозяйства. Арсик выращивал лук на подоконнике, облучая его разными спектрами. Весной, в период авитаминоза, мы этот лук ели.

Кто-то назвал Арсика поэтом от физики. Ненавижу красивые слова! Это все равно что физик от поэзии.

Шеф не вмешивался в деятельность Арсика. По-моему, он махнул на него рукой. Уволить Арсика не было возможности, заставить его заниматься настоящим делом тоже. Когда представился случай, шеф спихнул его мне. Но у меня на учете каждый человек. Лаборантки не в счет, Игнатий Семенович тоже, потому что ждет пенсии и все время читает реферативные журналы. Он думает, что науку движет образованность. Образованности у него навалом, а головы нет. Науку движут головы.

У Арсика голова есть. Это самое печальное.

Я не против окольных путей и поэтических вольностей. Иногда открытия делаются на задворках. Но когда в лаборатории всего две головы, это непозволительная роскошь.

Поэтому первым делом я сменил Арсику тему и убрал лук с подоконника. Арсик отнесся к этому безучастно. Как я потом понял, его уже интересовали другие вещи.

Я предложил Арсику заняться оптическими каналами связи. Себе я оставил оптические цифровые элементы.

– Что с чем будем связывать? – спросил Арсик.

– Не прикидывайся дурачком, – сказал я. – Сам прекрасно знаешь.

– Геша, я тебя люблю, – заявил Арсик. – Ты сейчас такой узенький.

Лаборантки снова прыснули, понимая сказанное фигурально. Но я насторожился. Я уже привык понимать Арсика буквально. Почему он назвал меня узеньким?

Через несколько дней мы с дочкой гуляли в парке. Было воскресенье. В этом парке есть карусель, качели и загородка с кривыми зеркалами. Мы пошли в кривые зеркала. Там развлекались несколько человек с детьми. В загородке я увидел Арсика. Он неподвижно стоял у вогнутого цилиндрического зеркала. При этом он не смотрел в зеркало, а смотрел куда-то поверх него, пребывая в задумчивости. Я подошел сзади и взглянул на наши отражения. Мы с Арсиком были узенькими, острыми и длинными, как копья. Лицо Арсика было печальным. Может быть, благодаря вытянутости. Он тряхнул головой, повернулся и быстро вышел из павильона. Меня он не заметил.

Кто-то рядом надрывался от хохота. Я обошел зеркала, держа дочь за руку. Ничего смешного я там не нашел.

У меня из головы не выходил Арсик перед цилиндрическим зеркалом.

Между тем Арсик окунулся в работу по новой теме. Он достал световоды и принялся плести из них какую-то паутину. Одновременно он занялся коллекционированием репродукций. Он увешивал стены лаборатории репродукциями картин. Художественные симпатии Арсика были разнообразны: старые мастера, импрессионисты, абстракционисты. Некоторые репродук-

ции он вешал вверх ногами, некоторые боком. Лаборантки потом их перевешивали правильно. Арсика это не занимало.

Против картинок я не возражал.

Арсик смастерил доску, густо усеянную оптическими датчиками. С другой стороны от доски отходили световоды. Их было огромное количество. Арсик сплел из них толстый канат, а концы вывел на свою установку. Теперь он целыми днями сидел за установкой, а доску с датчиками подвешивал к стене, закрывая ею какую-нибудь репродукцию.

Он занимался этим месяц. Наконец я не выдержал.

– Как твои успехи? – спросил я.

– Что такое успехи? – рассеянно спросил он.

– Результаты, выводы, данные, – терпеливо разъяснил я.

– Данные есть, – улыбнувшись, сказал Арсик. – Но довольно безуспешные.

Я напомнил ему, что его дело заниматься каналами связи. Изучать пропускную способность и так далее.

Арсик посмотрел на меня, как бы припоминая что-то, а потом поднял указательный палец и помахал, подзывая к себе. Он поманил своего непосредственного начальника.

В лаборатории стало тихо. Даже Игнатий Семенович оторвался от реферативного журнала и с интересом наблюдал, что будет дальше.

Я поднялся со своего места и неторопливо подошел к Арсику. Я старался делать вид, что ничего особенного не происходит. Хотя внутри меня колотило от злости.

– Посмотри сюда, – сказал Арсик, придвигая ко мне окуляры своей установки.

Я взглянул в окуляры и увидел красивую картинку. Над зеленой лужайкой висела наклоненная фигурка мальчика. Мальчик был обнаженным. Краски на картине были поразительной чистоты. На заднем плане возвышался готический замок.

– Ну и что? – спросил я, отрываясь от окуляров. Особенно эти яблоки.

Я не заметил на картине яблок, но проверять не стал. Я вернулся на свое место и попытался продолжить расчет элемента. Но выходка Арсика сбила ход моей мысли. Я поднял голову и увидел, что Арсик все еще любит картинкой, а канат световодов тянется через всю комнату к доске с датчиками. Доска висела на стене, прикрывая одну из репродукций.

Когда все ушли на обед, я подошел к стене и приподнял доску. Под нею была абстрактная картинка. Плавные линии, точки, запятые, нечто похожее на амёбу, и тому подобное. Надпись под картинкой гласила: «Пауль Клее». Она была сделана от руки.

Я снова притронулся к окулярам, но ничего не увидел. Арсик выключил установку, уходя на обед.

Несколько дней я размышлял над картинкой, увиденной в окулярах. Она не выходила из головы. Летающий мальчик на фоне готического замка. В воскресенье я почувствовал настоящее желание сходить в Эрмитаж. Я вспомнил, что не был там лет семь.

Мне не хотелось говорить жене, куда я иду. Это вызвало бы удивление и расспросы. Я сказал, что мне нужно пройтись, чтобы обдумать одну идею. К таким моим прогулкам жена привыкла.

У входа в Эрмитаж стоял Арсик. Он переминался с ноги на ногу и поглядывал на часы. Над Невой дул ветер. У Арсика был озябший вид. Мне показалось, что он стоит здесь уже давно.

– А, привет! – сказал Арсик. – Я тебя давненько поджидаю.

У него была такая манера шутить. Этим он прикрывал свое смущение. Видимо, он назначил здесь свидание и пытался это скрыть. Личная жизнь Арсика всегда была покрыта мраком.

– Ну, тогда пойдем, – сказал я.

– Нет, прости, я не только тебя жду, – помявшись, сознался он.

Я пожал плечами и пошел к дверям. Открывая дверь, я оглянулся и увидел, что Арсик не спеша удаляется по набережной, засунув руки в карманы плаща.

Я походил по залам, посмотрел Рембрандта, итальянцев, поднялся на третий этаж. Там я неожиданно встретил своих лаборанток Катю и Шурочку. Они стояли перед картиной Гогена. Я быстро прошел за их спинами в следующий зал и наткнулся на Игнатия Семеновича. Старик смущенно потупился и пустился в длинные объяснения, почему он здесь. Как будто это требовало оправданий.

– Я тоже люблю иногда сюда приходить, – сказал я.

Мы разошлись.

Картины больше не интересовали меня. Я размышлял над этим совпадением. Я хорошо знаю теорию вероятностей. Она допускает такие вещи, но редко. Потом я придумал логическое объяснение. Репродукции Арсика сделали свое дело. Своим молчаливым присутствием на стенах они пробудили в нас интерес к живописи. Оставалась маленькая загвоздка. Почему мы все пришли в Эрмитаж одновременно? Но в конце концов, почему бы и нет! Выходной день, на неделе мы заняты, так что все понятно.

На следующий день репродукции исчезли со стен. Арсик снял их все до единой и сложил в шкаф. Потом он долго возился с доской, прилаживая к ней источники света и разные фильтры, с помощью которых он облучал лук.

Шурочка и Катя трудились над моей установкой, водя пальцами по схеме. При этом они успевали что-то обсуждать. Мелькали мужские имена и местоимение «он». Игнатий Семенович читал журналы и делал выписки. Время от времени он жаловался, что пухнет голова. Меня это особенно раздражало.

– Между прочим, красный цвет не имеет никакого отношения к любви, – сказал вдруг Арсик.

Лаборантки тут же прекратили работу и уставились на Арсика. Тема любви была для них животрепещущей.

– Арсик, поясни свою мысль, – сказала Катя.

– Любовь – это нечто желто-зеленое, – продолжил Арсик. – В основном три спектральные линии.

– Желто-зеленое! – возмутилась Шурочка. – Ты, Арсик, ничего в любви не понимаешь!

– Совершенно верно, – сказал Арсик. – Но длины волн, соответствующие любви...

– Арсений, – сказал я. – Не отвлекай народ по пустякам.

Теперь уже лаборантки с возмущением уставились на меня. Они, конечно, полагали, что любовь важнее измерительного устройства, над которым они корпели. И вообще важнее всего на свете. Эта мысль старательно насаждается искусством, литературой и средствами массовой информации. По радио только и слышно, как поют «Любовь нечаянно нагрянет...», «Любовь – кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...» и прочую галиматью. Любовь между тем встречается так же редко, как талант. Никакие песенки не помогут стать талантливым в этом вопросе. То, что так занимает моих лаборанток, имеет отношение только к продолжению человеческого рода. Я глубоко уверен, что он будет продолжаться и впредь без сомнительных украшений естества дешевыми мотивчиками и ссылками на любовь при каждом удобном случае.

– Очень странно, Геннадий Васильевич, – заметила Шурочка. – В вашем возрасте встречаются мужчины, которые еще способны любить.

– Зато в вашем возрасте, Шурочка, редко встретишь человека, способного думать и рассуждать. К сожалению, – сказал я.

– Подумаешь! – обиделась Шурочка. – И носитесь со своим умом, никому он не нужен.

– Диспут окончен! – объявил я. – Все обсуждения переносятся на послерабочее время.

В лаборатории стало тихо. Шурочка и Катя демонстративно работали. Арсик припал к окулярам установки, крутя пальцами какие-то ручки. Глаза его были закрыты окулярами, но

рот расплывался в блаженной улыбке. Потом губы сложились трубочкой, и Арсик издал звук, похожий на поцелуй.

– Я вас любил, любовь еще, быть может... – сказал он.

– Арсений! – негромко, но внушительно сказал я.

Арсик оторвался от окуляров. В глазах его была безмятежная мечтательность. Она совершенно не соответствовала моим представлениям о работе, физике, деловой атмосфере и научном прогрессе. Она не соответствовала также моему настроению. Уже два месяца мы топтались на месте. Мы транжирили время. У меня даже появилась мысль, что все мы ждем пенсии, как Игнатий Семенович. Не все ли равно, сколько ждать: два года или тридцать лет? Все эти соображения действовали мне на нервы и выводили из себя.

– Будь любезен через три дня представить мне письменный отчет о проделанной работе, – сказал я Арсику.

Самое интересное, что больше всех испугался Игнатий Семенович. Он сделал сосредоточенное лицо, стал рыться в столе, достал кучу толстых тетрадей с закладками, всем своим видом изображая деятельность. Арсик же, не меняя позы, протянул руку вниз и вынул оттуда листок бумаги. Он черкнул на нем несколько строк, изобразил какую-то схему и, подойдя ко мне, положил листок на мой стол.

– Вот, – сказал он. – У меня готово.

Там было написано.: «Отчет о проделанной работе. Появилась одна идея. Оптическое запоминающее устройство». Дальше шла схема и несколько формул.

Первым делом я подумал, что Арсик издевается. Но потом, взглянув на формулы, я убедился, что идея заслуживает внимания. Арсик предложил запоминающий элемент, представлявший собою систему трех зеркал сложной формы. В одну из точек системы вводится объект. Его изображение удерживается в системе бесконечно долго благодаря форме и расположению зеркал. Оно как бы циркулирует в системе в виде отражений, даже когда самого объекта уже нет. Арсик нашел способ удерживать отражение в зеркалах после снятия оригинала! В системе существовали две особые точки: точка ввода оригинала и точка вывода изображения. Конечно, Арсик предложил только принцип, требовалось рассчитать детально форму зеркал, их расположение и координаты особых точек. Но идея была великолепная.

– К каналам связи это не имеет отношения, – извиняющимся тоном сказал Арсик.

– Все равно здорово! – сказал я. – Рассчитай только все до конца.

– Ой, Геша, не хочется! – взмолился Арсик. – Там же все понятно. Расчет не требует квалификации, – шепотом добавил он и показал глазами на Игнатия Семеновича.

– Черт с тобой! – буркнул я и подозвал к столу старика.

Игнатий Семенович долго и недоверчиво изучал схему Арсика. По-моему, он прикидывал в уме, потянет ли расчет.

– У американцев ничего похожего я не встречал, – сказал он наконец. – Может быть, посмотреть у японцев? Нужно заказать переводы.

– Нет этого у японцев, – сказал я. – Вы же видите. Если бы такой элемент был, все бы о нем знали...

– Да, это, пожалуй, открытие, – с достоинством признал Игнатий Семенович. – Но как быть с авторством? Если я выполню основополагающие расчеты...

– Впишем всех, – сказал Арсик. – Гешу, вас и меня.

– Я согласен, – сказал Игнатий Семенович.

– Когда будем патентовать, решим этот вопрос, – сказал я. – Во всяком случае, я этим заниматься не намерен, следовательно, никакого моего авторства в работе не будет.

Игнатий Семенович пожал плечами и вернулся на свое место с листком Арсика. Я был вне себя от злости. Только сейчас я понял, как удружил мне профессор Галилеев, подсунув старика. Игнатий Семенович был рекомендован как автор сорока статей и обладатель семи

авторских свидетельств. Все эти работы были коллективными. Между прочим, фамилия Игнатия Семеновича была Арнаутов. Это обстоятельство позволяло ему, как правило, стоять первым в списке авторов. Тоже немаловажно, поскольку при ссылках на статьи обычно пишут: «В работе Арнаутова и др. с убедительностью показано...» И так далее.

Следовательно, Арсик со своей красивой и остроумной идеей попадал в разряд «др.».

«Ну нет! – подумал я. – Арсик будет стоять первым, чего бы мне это ни стоило».

Таким образом, Арсик откупился от меня идеей, и я позволил ему заниматься, чем он хочет. Бог с ним! Если он хотя бы раз в полгода будет выдавать нечто подобное, его присутствие в лаборатории себя оправдывает. Лишь бы он не очень мешал своими разговорами о любви и непонятными шутками. Они расхолаживают коллектив.

Вскоре я уехал в командировку. Все было при деле. Игнатий Семенович раздобыл настольную вычислительную машину и рассчитывал элемент Арсика, сам Арсик возился с установкой, а лаборантки заканчивали мою схему. В лаборатории царил приятный моему сердцу порядок. Я уехал с легкой душой, выступил на конференции и вернулся через три дня.

Войдя по приезде в лабораторию, я сразу почувствовал что-то неладное. Было какое-то напряжение в воздухе. Все сидели на тех же местах, будто я и не уезжал, также тыкал в клавиши машины Игнатий Семенович, но что-то уже произошло. Катя поздоровалась со мной не так, как обычно. Она взмахнула своими ресницами, опустила глаза и пробормотала: «Здравствуйте, Геннадий Васильевич...» А Шурочка тревожно на нее взглянула. Обычно Катя здоровалась сухо, одним кивком. Арсик приветственно помахал мне рукой. Другая его рука, левая, лежала на установке и была обтянута у запястья тонкой ленточкой фольги, от которой тянулся провод к коммутирующему устройству. Помахав правой рукой, Арсик впился в окуляры и отключился от внешней жизни.

– Как дела? – спросил я.

– Мы все сделали, – сказала Шурочка.

Катя сидела отвернувшись.

– Молодцы, – похвалил я и подошел к своей установке.

Катя вдруг вскочила и выбежала из лаборатории, пряча лицо. Я успел заметить, что глаза у нее полны слез и тушь с ресниц ползет грязноватыми струйками по щекам.

– Что случилось? – спросил я Шурочку.

– Ничего! – вызывающе сказала она. – Это вас не касается.

– Все, что происходит в лаборатории в рабочее время, касается меня, – сказал я. – Если я могу чем-нибудь помочь или требуется мое вмешательство...

– Ваше вмешательство безусловно требуется, – произнес Игнатий Семенович.

Арсик оторвался от окуляров и сказал:

– Игнатий Семенович, не желаете ли взглянуть?

Старик испуганно вздрогнул, замахал руками и закричал:

– Не желаю! Не испытываю ни малейшего желания! Занимайтесь этими глупостями сами!

Растлевайте молодежь!

– Ну-ну, уж и растлевайте! – добродушно сказал Арсик.

– Может быть, мне объяснят, что происходит? – сказал я, тихо свирепея.

– Геша, все тип-топ, – сказал Арсик.

Шурочка ушла искать и успокаивать Катю, а я принялся проверять собранную схему. Это отвлекло мое внимание и позволило забыть о случившемся. Но ненадолго.

Через полчаса вернулась Катя с умытым лицом. Под глазами были красные пятна. Проходя мимо Арсика, она прошептала:

– Я тебе, Арсик, этого не прощу!

– Катенька, не надо! – взмолился Арсик. – Это пройдет.

– Я не хочу, чтобы это проходило, – твердо сказала Катя.

Я сделал вид, что ничего не слышу, хотя в уме уже строил разные догадки. Потом подчеркнуто холодным тоном я дал лаборанткам следующее задание и углубился в работу.

Вскоре пришла ученый секретарь института Татьяна Павловна Сизова, стала требовать очередные планы, списки статей, заговорила о перспективах и прочее. Между прочим она спросила, когда защитится Арсик.

– Никогда! – сказал Арсик.

– Когда напишет работу, – пожал плечами я. – Идея у него уже есть, осталось оформить.

– А это в науке самое главное, – наставительно заметил Игнатий Семенович, вписывая в журнал цифры. – Да-да! Не головокружительные идеи, а черновая будничная работа.

И он сурово поджал губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.